

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Албогачиев М.М. К этимологии этнонима «дзурдзуки» // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.4.70945 EDN: OHTZIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70945

К этимологии этнонима «дзурдзуки»

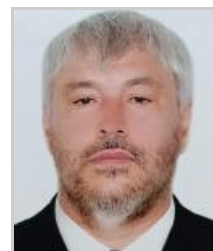
Албогачиев Магомед Михайлович

ORCID: 0009-0006-3925-1554

независимый исследователь

386001, Россия, республика Ингушетия, г. Магас, пр-т Зязикова, 7, каб. 302

✉ magomed_albogachiyev77@mail.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.4.70945

EDN:

OHTZIY

Дата направления статьи в редакцию:

04-06-2024

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о происхождении названия народа, известного из древних и средневековых источников как «дзурдзуки/дурдзуки/цурцк». Исследуются сведения из названных источников и научных трудов о дзурдзуках, а также их этногенетические связи с племенами хуррито-урартской общности. Проводится анализ существующих на сегодняшний день основных версий происхождения термина «дзурдзуки». Вместе с тем, автор предлагает свою оригинальную точку зрения этимологии данного термина. В исторической науке принято считать, что в источниках этноним «дзурдзуки» использовался как общее наименование предков современных нахских народов. Цель настоящей статьи - на основании этнографического материала и накопленных за последнее время научных данных, показать, что термин «дзурдзук» является грузинской формой общего этнонима двух древних нахских этнических групп: цовцев (цова) и орцхоевцев (арцух). При изучении данного вопроса в работе использовались нарративный, историко-генетический, историко-хронологический, историко-сравнительный и др. методы. По мнению автора, предки цова-орцхоевцев были в составе последней миграционной волны хуррито-урартских племен на Кавказ, связанной с гибелью Ванского царства в VI в. до н. э. С территории Цупани и Алзини

цоба-арзы мигрировали в Халдию, в Юго-Восточном Причерноморье. Далее часть их переселяется на восток в район оз. Севан, где возникают области Арцах (Орхистена) и Цовна (Цаника). В VII–VIII вв. через Гардман «мужи халдейские» переселяются в Центральный Кавказ, где обитали родственные им племена. Впоследствии они переселяются на северные склоны Кавказского хребта и занимают часть Аргунского, Дарьяльского, Джейрахского и др. ущелий. На взгляд автора, древние этнонимы цобов и арзов сохраняются в названиях вайнахских обществ орцхой и орстхой, в одном из обозначений бацбийцев – цІова, а также в названиях орхустой/орстхой из Нартовского эпоса ингушей и чеченцев. Новизна исследования заключается в том, что в настоящей статье приводится оригинальная версия этимологии этнонима «дзурдзуки». Автор наметил перспективные направления дальнейших исследований данного вопроса.

Ключевые слова:

Дзурдзуки, цанары, орцхоевцы, орстхоевцы, орхустойцы, цовы, арзы, царциата, аьрштхой, миграция

Array

Array

Введение. Термин *дзурдзуки* // *дурдзуки* (груз. *დურდუკი*), как обозначение предков нахских народов, фигурирует в средневековых грузинских и арабских источниках. Впервые встречается в Армянской географии начала VII в. [1, с. 136, 137]. Г. А. Меликишвили высказал мнение, что топоним *Zurzukka*, встречающийся в районе оз. Урмия, связан с предками нахских народов [2, с. 56].

Дзурдзуки упоминаются первой половине IX века в сочинении арабского географа Ибн аль-Факиха. В XI в. термин встречается в работах грузинских средневековых исследователей Джуаншера и Леонти Мровели.

По мнению Н. Г. Волковой в грузинских источниках раннего периода этноним *дзурдзуки* охватывал все нахские племена [1, с. 135, 136].

Существует несколько гипотез происхождения данного этнонима. Например, Л. Мровели связывает его с именем легендарного этнарха *Дурдзукоса*, сына Кавкаса [3, с. 22, 25].

М. М. Базоркин склонен был считать, что *Дзурдзук* и *Джерахмат* (эпонимный предок ингушей-джейраховцев) однокоренные слова, произведенные от грузинского *джари* – «войско» [4, с. 49].

В другом месте своего труда, исследователь этноним *дурдзуки* связывает с термином *дардза кьонгаш* – «сыновья вьюги» в Нартских сказаниях ингушей [4, с. 283–284].

Чеченский историк С. К. Джамирзаев этимологизирует этноним как состоящий из *сур* – «войско» и *дукъ* – «хребет», то есть «войско хребта» и считает, что современными носителями этого этнонима являются представители чеченского тайпа *дзандакьой* // *сандакьой* [5, с. 44–46].

А. В. Твёрдый отметил схожесть термина *дзурдзук* с названием урочища *Зурзука* в Аргунском ущелье Чечни, к юго-востоку от аула Улус-Керт: «Зурзука, возможно, могло сложиться из *зор* + *зарг* + *кьо*. Напоминает древнейшее этническое название чеченцев

– дзурдзуки» [\[6, с. 141\]](#).

Мы перечислили основные версии этимологии термина дзурдзуки. Далее попробуем выдвинуть и обосновать свою версию происхождения этого древнего названия предков нахских народов. Для получения объективного результата в процессе исследования были использованы разные источники, из которых основными являются работы известных ученых Г. Дж. Гумба, В. В. Латышева, Н. Г. Волковой, И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, Б. Б. Пиотровский, Б. К. Далгата, исследователя-краеведа А. С. Сулейманова и др.

Этимология этнонима орцхой. По нашему мнению термин *дзурдзуки* связан с названием ингушского тейпа *орцхой* (имя тейпа принято писать с большой буквы, но мы считаем, что *орцхой* ранее было племенным названием и покрывал несколько большее количество нахских племен, включая живущих в Грузии цова-тушин), официально входящего в феппинское общество (инг. *фаьппий*). Однако согласно исследованиям Н. Г. Волковой, орцхоевцы являются переселенцами из местности Охархи в современной Грузии на границе с Ингушетией [\[7, с. 149-150\]](#). Примечательно, что эта местность у Л. Мровели названа *Дзурдзукети* [\[8, с. 151-152; 1, с. 151\]](#).

В состав тейпа ходят фамилии: Мамиловы (инг. *Мамил-наькъан*), Озиевы (инг. *Оза-наькъан*), Яндиевы (инг. *Янда-наькъан*), Алдагановы (инг. *АлдагI-наькъан*), Буражевы (инг. *Бураж-наькъан*), Евкуровы (инг. *Йовкар-наькъан*). Тейповое село Эрзи (инг. *Аьрзи*) находится в Джейрахском ущелье.

Термин *орцхой*, по нашему мнению, одного корня с *орстхой* – название вайнахского общества карабулаков, чьи тейповые поселения (*Орстхой-Мохк*) находятся в верховьях Фортанги.

В нахождении давно идут дискуссии о происхождении орстхоевцев и существует ряд версий этимологии их самоназвания. Например, по мнению Я. З. Ахмадова, этноним *аьрштхой*, связан с названием р. *Арштынка*, на берегах которой, на рубеже XVII-XVIII вв. складывалось общество [\[9, с. 161-162\]](#).

Другой исследователь А. О. Мальсагов высказал предположение, что этнонимы *орстхой* и *аьрштхой* означает «жители равнин», в противоположность *лоамарой* – «горцы» [\[10, с. 115\]](#). Согласно этой версии, орстхоевцы в отличие от других вайнахских обществ, сформировались не в горных областях, а на предгорье – в долинах рек Ассы, Фортанги, Мартана и Сунжи.

Схожего мнения придерживается И. В. Бызов, который *арштхой* // *орстхой* выводит из *аре-йист-хой*, что, по мнению автора, означает «жители равнин» [\[11, с. 189, 191\]](#). На наш взгляд, более логично здесь было бы этимологизировать это название как *ор* – «ров», *йисте* – «вблизи», *-хой* – суффикс, т.е. «живущие у рва», «живущие у границы». Потому как орстхоевские поселения в верховьях Фортанги в XVII-XIX вв. действительно граничили с владениями кабардинских князей.

Я. С. Вагапов считает, что в основе этнонима лежит слова *орс* (варианты *арс*, *урс*, *эрс*) – «лесистая гора» или «лес» [\[12, с. 55, 60\]](#). Таким образом, *орстхой* // *аьрштхой*, по его мнению, означает «житель лесистых гор» или «жители лесов»

Согласно гипотезе А. С. Сулейманова, название произошло путем сложения трех компонентов *Іаьршачу*, *хитІера* и *-хой*, что, по мнению автора, означает «Черной (с)

речки дозора (стража)» [\[13, с. 80\]](#).

Итак, мы привели основные версии происхождения самоназвания орстхоевцев, которые, впрочем, не являются доказанными. Все эти исследователи, как мы видим, не делают различия между терминами *аьрштхой* и *орстхой*, считая их вариантами одного и того же названия. Однако по нашему мнению, они разного происхождения.

Касательно этимологии термина *орстхой* (*арстхой* // *оарстхой*), то нам более обоснованной кажется версия чеченского ученого А. Д. Вагапова, согласно которой в основе этого названия лежит слово *арц* [ârc] (чеч.), *оарц* (ингуш.) и *арс* (в Итумкалинском диалекте) – «лесистая гора», «предгорье» [\[14, с. 94\]](#). *Арц* (*оарц*) – поросшая лесом местность на северном склоне гор (Черные горы) [\[15, с. 36\]](#). По нашему мнению, в древности это слово звучало как *арцу* [ârtsu], где корневой гласный долгий сокращенный **а**, а конечный **у** сверхкраткий гласный, который в результате редукций отпал. Однако в некоторых диалектах, прежде чем окончательно отпасть, звук **у** успел повлиять на корневой гласный, вследствие чего появилась словоформа *оарц* // *орц*. Примечательно, что такое же явление мы наблюдаем и в этнониме *орстхой*, который в диалектах произносится как *арстхой*, *оарстхой*, *орстхой* и т.д.

С прибавлением к основе *арцу* суффикса **-х(ой)** появилось название *арцух(ой)*, которое в дальнейшем трансформировалось в *арцхой*, *оарцхой*, *орцхой*.

Видимо, еще в древности, в результате метатезы в комплексе **тс**, в диалектах появилась форма *арстухой*, а в дальнейшем его варианты: *арстхой*, *оарстхой*, *орстхой* и т.д.. Случаи перехода аффрикаты **ц** [ts] в комплекс **ст** зафиксированы в некоторых диалектах чеченского языка. Например, в мелхистинской говоре Галанчожского диалекта [\[16, 140\]](#). Или, например, чеч. *гечдан*, инг. *гештде* – простить, прощать, помиловать» [\[15, с. 101; 17, с. 76\]](#).

Иными словами, *орстхой* – это вариант этнонима *орцхой* с метатезой в комплексе **-тс-**. Возможно, часть цовцев, которая поселилась в лесистых горах (возможно, в районе оз. Урмия), стала называться *арцух(ой)*. В таком случае *цова* – это племенное самоназвание дзурдзуков, связанное с их религией (главным культом), а *арцух(ой)* – самоназванием цовов (или части их), связанное с ландшафтом одного из мест их обитания в какой-то исторический период. Для сравнения *ГалгIай* и *ломарой* – два самоназвания ингушей до начала XX в., где второе связано с ландшафтом местности их проживания в определенный исторический период.

Впрочем, мы склонны считать, что в корне этнонима *орцхой* лежит нахское слово, означающее «орел» (инг. *аьрзий*, чеч. *аьрзуо*, бацб. *арцIив*) [\[18, с. 313; 19, с. 39\]](#). Чередование звуков **а** – **оа** (**о**) – **аь** (**э**) обычное явление в вайнахских языках. Например: *ата* – *оат* // *оту* – *аьтар* // *этира* – «растолочить»; *атта* – «легкий», *оатто* – «облегчение» [\[19, с. 34, 327\]](#). Возможно, у определенной части цовов было распространено почитание этой птицы и область своего обитания они называли в честь культа орла. Не с этим ли связано, что горцы в танце подражали орлам, а девушки парили словно орлицы в небе? Следовательно, *арцухой* может происходить от *арциу* // *арзиу* – «орел»: с прибавлением суффикса лица **-ха** и **-в** – коренной бацбийский (нахский) словообразовательный форматив [\[18, с. 8, 313\]](#), получаем (*арциуха* // *арзиуха* > *арцуха* // *арзуха* > *арцухав* // *арзухав* > *арцухов* // *арзухуо* > *орцхуо* – «исповедующий культ орла» или «житель страны культа орла».

Интересно отметить, что, согласно У. Лаудаеву, равнинные чеченцы упрекали горных жителей в бедности, но последние равнодушно отвечали: «Орлы являются из гор», т.е. сравнивали себя орлами» [20, с. 50]. Также М. М. Базоркин отмечал, что ингуши почитали орла [4, с. 236].

Родовое поселение орцхоевцев в Джейрахском ущелье Ингушетии носит название *Эрзи* (инг. *Аьрзи*), которое исследователи связывают с инг. *аьрзи* – «орел». Примечательно, что в XIX в. у рода Мамиловых из Эрзи была найдена статуэтка бронзового орла. На ней отчетливо видны удары саблей и копьем. А значит, он не раз побывал в горячих сечах и рубках. Внизу есть отверстия, где она вставлялась на навершие древка знамени, как штандарт. Все это свидетельствует, что статуэтка является именно боевым символом (Бронзовый орел «Эрзи» - символ всех Ингушей. <https://igmkri.ru/index.php/1615-bronzovyy-orel-erzi-simvol-vsekh-ingushej>).

Статуэтка орла принадлежала роду Мамиловых. Согласно преданию, записанного Ч. Э. Ахриевым в XIX в., это был герб этнарха кистинского общества Киста из рода Камен [21, с. 1-2]. Имя рода *Камен* мы сопоставляем с *Кумену* (*Кумме*) - второй древнейший урартский центр, связанный с культом Тейшеба, упоминаемый в текстах Ададнирари II, совершавшего походы в Наири» [22, с. 50]. Сравните также с *Лукумон* (лат. *Iucito*, этрус. *lauchme* // *lauchume* – титул этрусских правителей, соответствующий лат. *rex* – «царь» [23, pp. 42, 43.]. Выполнял также религиозные функции. Возможно, лукумоном называли жреца, избранного для представительства двенадцати городов «этрасского додекаполиса» [24, с. 313].

В язычестве предки аварцев также верили в кровную связь с орлами и отождествляли себя с этими гордыми птицами. Убийство орла считалось грехом [25, с. 68-84].

Орлы – представители семейства ястребиных. В этой связи отметим, что, согласно ингушскому преданию, этнарх орстхоевцев «Арштхо поселился в Датихском ущелье Галгаевского общества по течению реки Ассы, возле Квири-лам» [26, с. 67]. Здесь в источниках XVII-XIX вв. локализуется общество мержоевцев [1, с. 162-163]. В бацбийском языке *куир* (чеч. *куьр*, инг. *кер*) означает «ястреб» [18, с. 313]. Следовательно, *Квири* переводится как «ястребиный». Также отметим *Кюрелам* (чеч. *Кьора-лам*) – горная вершина в Итум-Калинском р-не Чечни, к югу от Корилам (Квирилам) на границе с Ингушетией [27, с. 98].

Таким образом, мы этимологизируем этноним *орцхой* // *орстхой* как «почитающие орлов» или «жители страны культа орла *Арзиу*», «арзинцы». В то же время не исключаем, что оно может означать «живущие в лесистых горах», а орел и ястреб были их тотемными птицами. Также мы приходим к выводу, что *Орцхой* и *орстхой* – это разное (диалектное) произношение одного и того же этнонима, происходящего от более древней формы – *арцух(ой)* // *арзух(ой)*.

Этимология этнонима *аьрштхой*. Касательно второго эндоэтнонима карабулаков – *аьрштхой*, то он в форме «*Arschte*» впервые появляется в сочинении российского академика немецкого происхождения, ученого-ориенталиста Генрих-Юлиуса Клапрота в начале XIX в. [28, с. 146-147]. В частности автор пишет: «Карабулаки (по-татарски – черный источник), которые сами себя называют *Арште*, также их называют ингуши, а чеченцы их называют *Ариштой*» [29, с. 609].

Другой исследователь Кавказа XIX в. С. М. Броневский писал: «Чеченцы дают (карабулакам – прим. М.А.) название *ариш-тояй*, а карабулаки сами себя, равно как и ингуши называют их *арште*» [\[30, с. 167\]](#).

Что касается тюркского наименования арштхоевцев *карабулак*, то оно появляется в русских документах не позднее 60-х гг. XVIII в.» [\[28, с. 146\]](#).

Иначе говоря, *ариштояй* // *ариштой* (т.е. *аьрштхой*) – это чеченское название карабулаков, а сами себя они называли *арште* (инг. ед. *аьрште*, мн. ч. *аьршти*). Действительно, по нашим наблюдениям, сегодня в чеченской народной речи чаще используется название *аьрштхой*, а в ингушской – *о(а)рстхой*.

Что касается происхождения термина *аьрштхой*, то более обоснованной, на наш взгляд, является версия А. С. Сулейманова, но с важными поправками. Во-первых, мы считаем, что конечное *-хой* означает не «стража» или «дозор», а является суффиксом лица мн. ч., как в словах *наьсархой* – «жители Назрани», *юртахой* – «жители села» и т.д.

Во-вторых, *аьрштхой* // *аьршти* происходит, возможно, не от *Іаьршачу хитІера хой*, а от *Іаьржа-хитІахой*. Точнее, от района, который носил название *Іаьржа-хитІе* – «Черноречье». Вследствие дальнейшего развития, название *Іаьржа-хитІе* перешло в *ІаьрштІе*. Трансформация происходила, возможно, следующим образом: абруптив *тІ* перешел в глухой звук *т*, который свою очередь, оглушил звук *ж* в слове *Іаьрж*. Далее начальный фарингальный звонкий фрикатив *Іотпал* (сравн. инг. *Іаьсий*, чеч. *эсий* – «телята» [\[15, с. 512; 19, с. 531\]](#)), после чего название приняло свою конечную форму *Аьрште*. Сравните *Мухьмад-ХитІе* – «Вознесенское», *Сурхо-ХитІе* – «Сурхахи» и т.д. Кстати, последнее в народной речи произносится как *СурхотІе*, что косвенно подтверждает возможность трансформации названия *Аьрште* от *Іаьржа-хитІе*.

Эта версия согласуется с тем, что район р. Фортанги кумыки называли *Къарабулакъ*. С кумыкского языка название переводится как «черный источник (родник, колодец, ключ)», где *къара* означает «черный», а *булакъ* — «источник // ключ // родник» [\[31, с. 316, 334, 881, 1107-1108\]](#). В этом районе действительно есть черные (то есть нефтяные) источники.

Гюльденштедт также переводил это название как «черный источник»: «Округ Карабулак, (по-татарски — черный источник), лежит на реке Мартан, там, где она вытекает из гор» [\[32, с. 239\]](#).

Иначе говоря, нахское название *аьршти* // *аьрштхой* и кумыкское - *карабулак* имеют схожее значение – «жители района черных (нефтяных) вод // источников» (т.е. чернореченцы).

Однако мы склонны считать, что этноним *аьрштхой* зародился не в верховьях Фортанги, а связан с местностью в Хеви-Мтиулет, где сегодня находится с. Арша. Название населенного пункта мы этимологизируем как *Іарше* // *ІарштІэ* – «Черное нагорье, Черногорье». Возможно, так орстхоевцы (орцхоевцы) называли местность своего проживания в сланцевых горах в Хеви-Мтиулет, а себя – *Іарштхой*, т.е. «жители (выходцы из) Арштэ». После переселения предков части орстхоевцев из Мцхета в Джейрахское ущелье и далее в верховья Фортанги, это название было перенесено на их новое место обитания (этот вопрос более подробно разобран нами в статье «Мержоевцы: связь с каракалканцами и пути их миграции в верховья Фортанги 2024 (в данный момент находится в процессе публикации)).

Таким образом, *аьрштий* // *аьрштхой* связано с черными горами, где орцхоевцев в определенный период их истории проживали.

Цовцы. С орцхоевцами, как мы уже писали выше, мы связываем бацбийцев (цова-тушин). Они считаются потомками феппинцев (инг. *фаьппий*), переселившиеся в Тушетию из Джейрахского ущелья Ингушетии [33, с. 84]. Н. Г. Волкова отмечает: «Более других вайнахов свое родство с бацбийцами признают жители Джерахского ущелья» [1, с. 169]. В предании, записанном автором в 1970 г. в ингушском с. Ольгеты, говорится, что бацбийцы являются феппинцами, которые прежде жили в с. Эрзи [7, с. 153]. Б. К. Далгат в конце XIX в. записал вариант этого предания от столетнего старика Казбыка, согласно которому часть переселенцев вернулась в Эрзи [34, с. 97]. Эрзи, как мы уже отмечали выше, является тейповым поселением орцхоевцев. Следовательно, в составе мигрировавших в Грузию феппинцев были и орцхоевцы. Этим мы объясняем и тот факт, что бацбийцы называются также *цовцами*. По нашему мнению, название *бацби* им досталось в наследство от феппинской части переселенцев [35, с. 7-11], а *цIова* – от орцхоевской. Однако возможно, что все переселенцы были орцхоевцами, а название *бацби* они получили вследствие того, что долгое время жили в Феппинском обществе Ингушетии.

Ученые считают, что в основе этнонима *цIова* лежит имя культа *ЦIов* // *ЦIув* [36, с. 12-13]. Н. Г. Волкова отмечает, что «среди джераховцев для обозначения бацбийцев известен еще термин *цIой-бIацой*. ЧIагIма-тушины называются *туш-бIацой*» [1, с. 169]. Автор, ссылаясь на мнение чеченского историка Халида Ошаева, пишет, что «*туш-бIацой* связывается с именем 'богини' плодородия Тушоли, *цIой-бIацой* – с именем божества *цIу*, которому поклонялись цова-тушины» [1, с. 169, прим. 42].

Согласно А. С. Сулейманова, тушины разделяются на *туш-бацой* (тех, кто поклонялись 'божеству' Туш) и *цу-бацой* (которые поклонялись 'божеству' ЦIув) [37, с. 34, 82, 89, 90, 166, 173, 185, 207; 13, с. 37, 49, 50, 149]. Первые сегодня полностью ассимилировались и вошли в состав грузинского народа [38, 62; 36, с. 113]. По нашему мнению, термин *цIов-бацой* образован путем сложения двух племенных названий: *цIова* (дзурдзуки) и *бацой* (кисты).

Согласно У. Лаудаеву, галгаевцы также поклонялись культу Цу [20, с. 59].

Иными словами, орцхоевцы-бацбийцы производили эндоэтноним от имени главного культа своей религии. А местность, где они обосновались, получила название *Цовата*. Г. Дж. Гумба пишет, что так бацбийцы называют всю Кахетию и считают ее своей прародиной [39, с. 156]. По мнению автора, термин *цобени* (*цовы*) использовался как название достаточно большой территории, лежавшей между ущельями Лехури-Ксани и Арагви-Иори [39, с. 156]. Названия с корнем «*ца* // *цу* // *ци*» встречаются на всем протяжении Кавказских гор от Черного моря до Кахети и от Клухорского перевала до р. Аргун [39, с. 157-160]. У грузинского населения Дарьяльское ущелье, Хевсуретия, Шатили, Мигмахеви, Архота, Тианети и др. существуют предания, согласно которым на указанных землях до заселения их грузинами проживали кисты (здесь это название используется в широком значении) [40, с. 25-26]. На этих территориях, по нашему мнению, проживали в основном цова-арцухой.

Согласно одному из преданий, записанного в XIX в., предки чеченцев и ингушей

произошли от бацбийцев, а предки самих бацбийцев «жили когда-то за Грузией (т.е. к югу от Грузии – прим. М.А.) и до времени нашествия арабов, оттеснены были в кавказские горы» [41, с. 46; 39, с. 158]. Однако это не согласуется с тем, что бацбийцы, как уже показывалось выше, переселились в Грузию с территории современной Ингушетии, из Джейрахского ущелья. И здесь мы получаем противоречье. Но вот что интересно: согласно этнографическим материалам, зафиксированным Н. Г. Волковой в Ингушетии, предки мигрировавших в Грузию бацбийцев, оказывается, сами были мигрантами из Хевсурети [1, с. 169]. В другой своей работе, автор также указывает на миграцию части бацбийцев из Хевсурети (Архоти), среди которых в первую очередь выделяет род Цискаришвили [7, с. 152]. Здесь вспомним, что мигрировавшие из Джейрахского ущелья в Тушетию бацбийцы состояли из эрзинских орцхоевцев, которые, согласно исследованиям Н. Г. Волковой, являются переселенцами из местности Ожкархи в современной Грузии на границе с Ингушетией [7, 149-150]. Следовательно, сведения из чеченского предания о переселении бацбийцев с территории южнее Грузии получают логическое объяснение, а противоречие исчезает.

Сегодня к югу от Грузии находится азербайджанский Карабах (арм. Арцах) и армянская область Сюник (к юго-востоку от оз. Севан). Название *Сюник* мы связываем с этнонимом *цова* // *цаны*, как и гидроним *Севан*. Судя по сообщению Геродота, северные пределы распространения уратов-алародов (т.е. халдов) доходили до р. Аракс и территории Сюника [42, с. 5].

В клинописной надписи царя Сардури II (VIII в. до н. э.), найденной в селении Цовак (сравн. с этнонимом *цова*), упоминается страна *Уртехе* // *Уртехини*, локализованная юго-восточнее оз. Севан [43, с. 446]. Термин *Уртехи(ни)*, возможно, одного корня с наименованием урартской области *Ардини*. Или же в корне стоит нахск. *УртIехьа* – «страна возвышенностей», из *ур* – «высота» (сравн. *урагIа* – «ввысь» [19, с. 410]), *тIа* // *тIе* – послелог «на» (сравн. *тIехьанахьа* – «снаружи» («сверху») [19, с. 410; 404]) -*ха* // -*хьа* // -*гIа* – древний нахский топонимический суффикс, обозначающий пространственность [39, с. 161].

Арцах и Сюник выглядят как продолжение грузинских исторических областей Эрцо(-Мтианети) и Ксани, где в средневековье находилось феодальное владение Эриставство Ксани (груз. *ქსანის საერისთავო* [ксанис саэриставо]). В русских источниках XVI-XVII вв. эта территория известна как «Сонская земля» [44, с. 309-311]. В это время здесь жили грузины-горцы - мохевцы и пшавы, а также осетины [1, с. 106, 107].

Примечательно, что именно из района Арцаха и Сюника цанары переселились в Центральный Кавказ, согласно сообщению Вардана 'Аревелци': «Некоторые мужи халдейские, вышедшие из своей страны, пришли в Гардман и сказали гардманскому князю: «Уступи нам частицу креста, данного тебе (императором) Ираклием, а мы примем христианскую веру и будем служить тебе», что исполнилось. Эмир багдадский, узнав об этом, стал грозить им; и, утрашенные, они удалились к подошве Кавказских гор. Споспешествуемые Христом, в которого они уверовали, завладели они всеми (окрестными) областями» [45, с. 101]. *Гардман* – это историческая область между р. Кура и оз. Севан, в верховья р. Шамкирчай [46, с. 29]. На юге область граничила с Карабахом (Арцахом) и Сюником. Г. Дж. Гумба считает, что этноним *цанар* означает «из Цана» [39, с. 159]. По всей видимости, в Гардман цанары переселились задолго до арабов, и в сообщении говорится об одном из последних волн миграций цанар в Центральный

Кавказ.

Цанары упоминаются в античных, армянских и арабских источниках [1, с. 125-126]. Согласно сведениям из «Географии» Птолемея, этот народ проживал на землях, расположенных между Иберией и Албанией уже во II в. н.э. [39, с. 154]. По мнению исследователей, цанары занимали обе стороны Главного Кавказа – ущелья рек Терека и Арагви и на протяжении многих столетий контролировали Дарьяльское ущелье, известное в раннесредневековых источниках как Цанарское ущелье [39, с. 154]. Соседями их были тушины и двалы [1, с. 125].

Этноним *цанар* сохранился в названии района *Цобени* с одноименным центром на левом берегу р. Арагви, к востоку от озера Базалети и северо-западе от Эрцо [39, с. 156].

Г. Дж. Гумба указывает на осетинское название мохевцев (*цона*), горы Казбек (*Соана*) и всего района Дарьяльского ущелья (*Сона*), как на подтверждение присутствия здесь цанар [39, с. 156]. В этом районе протекают реки *Меджуда* и *Малая Лиакхи* (сравн. с *Мерж* – родовое село мержоевцев, инг. *лоай хий* – «снежная река»).

«По данным “Ашхарацуйца”, Цанария охватывала территорию всего Дарьяльского ущелья. На юге во владения цанаров входили Цилканские (Циканские) ворота и лежащие вокруг них земли, а на севере – области, расположенные на подступах к Дарьяльским воротам с севера. Цанары держали под контролем не только Дарьяльское ущелье, но также и перевальные пути, проходившие по верховьям рек Ассы, Чанты и Шаро Аргун, по ущельям Хилдихарой, Майста, Мелхиста, Панкиси и др., и связывавшие Южный и Северный Кавказ» [39, с. 154; 47, с. 43].

Как уже отмечалось выше, с цанарами мы связываем название исторической области Восточной Грузии *Эрцо-Тианети*. Точнее, его первую часть *Эрцо*, которую мы сопоставляем с *арцух(ой)* и *Арцах*. Формант *-х* // *-ха* в названии *Арцах*, возможно, является древним нахским топонимическим суффиксом, обозначающий пространственность [39, с. 161]. Например, *Гуьржех* – «Грузия» [18, с. 307]. При этом чередование гласных *а – у – о – и – е* в позиции перед этим суффиксом свойственно нахским языкам. Например, бацб. *мичух*, но чеч. *мичахь* – «где» [18, с. 14]; чеч. (шаройский диалект) *милох* – «который», *мислогIo* – «который» [16, с. 77], но инг. *малагIа*, *массалагIа* – в том же знач. [48, с. 280]; бацб. *хьацIукI*, инг. *хьазилг* – «воробей, птица» [18, с. 313].

Г. Дж. Гумба производит топоним *Эрцо* от названия *цанар* [39, с. 156]. На наш взгляд, *Эрцо* одного корня с *орцхой* (*арцухой*).

Обращает на себя внимание термин *Ксани*, который присутствует и в названии р. *Ксани* (груз. *ქსანი*; осет. *Чысандон*). Вполне возможно, что здесь мы видим сложение двух этнонимов – *хоны* и *саны* (*хо(н)сан* // *ко(н)сан* > *ксан*). В связи с этим интересно отметить, что если согласно сообщению Вардана ‘Аревелци’, из Халдии прибыли цаны (цанары), то по «Мокцевай Картлисай» прибывший из этой страны народ именуется *хонами* [39, с. 163]. Также отметим, что в тех местах, где встречаются топонимы *Цан(ар)*, *Цопа* // *Цова*, неизменно присутствует и название *Хон*. Так, в Понтийских горах, в верховьях Чороха в V в. до н. э. размещаются *хоны*, и здесь же, в долине Чороха расположена область *Цанк* (*Цаника*). В том же Гардмане, в пределах области *Цовк*, у слияния *Куры* и *Храми* (где цанары останавливались по пути следования в Центральный

Кавказ), находился древний город *Хунан* (*Хунаракерт* древнеармянских источников), существовавший уже во времена Александра Македонского, согласно грузинским источникам. В Цанарии, которая в III–IV вв. называлась *Хон* (*Масаха-хон*), известны гора и местность *Хон* [39, с. 163]. «Также гидроним *Хон-Аргун* (Чанты-Аргун), здесь же до сих пор существуют нахские родоплеменные группы с названиями *хоной*, *цова*» [39, с. 164].

Сравнивая информацию из чеченского предания со сведениями, которые приводит Вардан 'Аревелци', мы видим, что *цанары*, как и *цовцы* (*бацбийцы*), примерно в одно и то же время бежали из страны южнее Грузии в Центральный Кавказ под натиском арабов. Вызывает интерес сообщение Вардана, что «халдеи называли свою область *Цанар* на том основании, что в ней они узнали первое свое местожительство» [45, с. 101]. Действительно, ландшафт горных районов Восточной Грузии, где локализовались *цанары* и *дзурдзуки*, очень схож с ландшафтом Арцаха и Сюника, а также Причерноморской Халдии – это лесистые и черные горы.

В названии *Сюник* конечное *-к* – характерное древнеармянское множественное число на *-kh* [49, с. 223 прим. 87], а основой здесь является *Сюни* (< *Цйувни*?). На наш взгляд, термины *Сона* (*Ксани*) и *Сюни(к)* однокоренные, также как название *Эрцо* – однокоренное с *Арцах* (< *Арцух*).

Озеро *Севан*, по-видимому, получил свое название от области, где оно находилось: *Цовани* (< *Цобани*) – «страна // область цовов». Суффикс *-ni* является здесь урартским детерминирующим показателем [22, с. 34].

По всей видимости, в район Сюника и Арцаха и Восточного Причерноморья цовы (*цан(ар)ы*) мигрировали с территории урартской области *Цупани*, на западе Армянского нагорья. На основе сопоставления названия *Цупа(н)* (*Зирапп*, к названию которой восходит позднее название *Софена*. В древнеармянских источниках эта область (со знаком мн. ч. *-к*) называется *Тсол-к*) с этнонимом *цова* Г. А. Меликишвили приходит к выводу о связи *цупанцев* с *цова-тушинцами* и др. нахскими народами. Территорию, населенную этим племенем (в центральной части Кавказского хребта), древнегрузинские источники упоминают под названием *Тсобеиа* [50, с. 88–89]. Хотя В. М. Дьяконов отнесся критически к такому выводу Г. А. Меликишвили [49, с. 229 (прим. 103)], мы его считаем обоснованным, т. к. по нашему мнению, цобы являлись частью более поздних миграции со стороны древнего очага урартской цивилизации в районе оз. Урмия, и родственны именно народам нахо-дагестанской языковой группы.

«Таким образом, – пишет Г. Дж. Гумба, – получает надежное подтверждение информация, заложенная в слове *цанар*, а также подтверждаются сведения, сохранившиеся в письменных источниках и этногенетических преданиях нахов, говорящие о том, что по пути на Кавказ из *Ца* (*Циу*, *Цова*), или Халдии, *цанары* некоторое время проживали у халибов (*Халтик*) на берегу реки *Зигур*, а затем – в Гардмане [39, с. 161]. Автор считает, что *цанары* в источнике названы «мужами халдейскими» вследствие того, что после гибели Урарту их область *Цупани* оказалась под влиянием Вавилонского государства [39, с. 161]. Однако мы считаем, что *халды* // *халдии* в данном случае – название значительной части жителей Ванского царства (*алародиев*), произведенное от имени их главного культа *Халди*.

Мы склонны считать, что родиной *цанар* была не только область *Цупани*, но также и *Алзи*

// Алше // Алзни (хуррит. Алже, урарт. Алзи(ни), Азира(ни), хетт. Алше, аккад. Алзи) – хурритско-лувийское царство на юго-западе Армянского нагорья, локализуемого в верховьях Тигра и в долине р. Мурат-су [\[42, с. 9\]](#). Урарсткую форму Азира(ни) мы сопоставляем с топонимами Арцах, Эрцо и названием средневекового родового поселения ингушей-орцхоевцев Эрзи (инг. Аьрзи). Форма Аьрзи, возможно, появилась вследствие метатезы в комплексе **-з(и)р-**, перемещения краткого гласного из второго слога в первый, и прибавления локатива **-и** (исторически формант напр. падежа) вместо **-н(и)**: Азира > Ариза > Айрза > Аьрза + **и** (локатив) > Аьрзей > Аьрзий. Сравните с инг. мерза – «сладкий» [\[19, 301\]](#), которое, по нашему мнению, происходит от другого прилагательного мезара (< мазирэ) – «из меда // медовый».

Правильность такой этимологии подтверждается и другими вариантами термина Азирани – Алше // Алзи // Арзи, где также наблюдается метатеза.

Интересно отметить, что Мурат-су урарты называли Арзани // Арцани (урарт. Aršana) [\[42, с. 9\]](#). Возможно, свое имя река получила от области Арзани, или оно связано с особенностями ландшафта районов верхнего течения реки: арц – «лесные горы». По нашему мнению, орцхоецы называли свое поселение в Джейрахском ущелье Арзи в честь своей далекой родины Алзи // Арзи (Азирани), в верховьях Арцани. По пути следования они основывали поселения, давая им названия своей прежней родины. Одним из таких поселений, возможно, было основано на месте современного турецкого города Эрзерум, где конечное **-рум** на араб. означает Рим. Данный район у арабских географов X в. назывался Арзан, а севернее, на р. Евфрат, был город Арзан-Рум [\[4, с. 235\]](#). У арцавцев, обитавших в Западной Анатолии, орел также был тотемом, от них его заимствовали древние греки [\[4, с. 235\]](#).

По видимому, все тот же корень арц // арс // алз лежит в основе Арзашкуни // Арцашку // (Aršašku) – царский город Араму Урартского упоминаемый в походах Салманасара III против Урарту [\[22, с. 54\]](#). Находился к северу от оз. Ван. В первой части Арзаш, конечное **-ш**, возможно, является аффиксом мн. ч., и означает «арзы // арзийцы». Вторая часть ку(ни) мы сопоставляем с нахским ков // кав – «усадыба, двор» (форма мн. ч. ковнаш) [\[19, с. 225\]](#), и с лакским кІану – «место, местность, колыбель, область» [\[51, с. 166\]](#). В ингушском языке слово ков // коа также употребляется в значении «поселение». Например, Гази-Коа «Гази-юрт» – н. п. в Назрановском р-не Ингушетии; Дола-Коа «Пседах» – н. п. в Малгобекском р-не Ингушетии и т.д. Следовательно, Арзаш-ку(ни) этимологизируется как – «усадыба // поселение // область арзов».

Также мы допускаем, что конечное **-шку** является топонимическим формантом **ск** // **шк**, который был довольно распространен на территории Малой Азии [\[50, с. С. 216-217 \(прим. 66\)\]](#).

Интересно, что топоформант **ск** // **шк**, относящийся к нахскому этническому миру, встречается на территории нагорной полосы Кабарды, Балкарии, Осетии, Ингушетии и Чечни, [\[39, с. 105-109\]](#). Это широко известный в чечено-ингушской топонимии суффикс. Например: Вовнушки (инг. ВІовнашка) – развалины средневекового поселения в Ассиновском ущелье, чье название переводится как «к месту башен» (от вІов – «башня», вІовнаш – «башни»); Берешки (инг. Биерашка) – покинутое село в Сунженском районе Ингушетии. Название переводится как «солёные источники (от биерхІ – «солёный источник»); Самашки (чеч. СемаІашка) – «к месту оленьих стоянок» - н. п. в Чечне; Ирзиешка – «к лесным полянам» (от ирз // эрц – «лесная поляна»); Кхашка – «к

пашням» (от *кха* – «пахотное поле», *кхаш* – «пашни») и др. [\[39, с. 106–107\]](#).

Также обратим внимание на существование топонимов-двойников с формантом **-с к //** **-шк** от Приэльбрусья до Андийского хребта, большинство из которых объясняются с помощью нахских языков: *Лескен* в Дигории – *Лешка* в Чечне, *Тамиск* в Дигории – *ТІемишка* в Чечне, *ТІайнашка* в Балкарии – *ТІайнашка* в Чечне, *Шишки* в Балкарии – *ЧІишки* в Чечне, *Бодушка* в Безенги – *Бодушку* в Ингушетии и т.д. [\[39, с. 108\]](#).

В. И. Абаев допускал, что в этих топонимах формант **шк (ск)** может быть показателем множественности [\[52, с. 88\]](#). Действительно, в нахских языках суффикс **шк (ск)** представляет собой сложный топоформант, состоящий из: **-ш (-с)** – форманта мн. ч., и **-ка (-ки)** – суффикс, исторически являющийся формантом напр. падежа [\[53, с. 49–63\]](#). Следовательно, названия урартского царского города *Арзашку*, возможно, означает «к арзам (т.е. к поселению народа арзы // арзиев)». То есть в основе названия города лежит этноним *арзаш // арцуш* – «арзы (алзы) // арцы». Возможно, Араму сам принадлежал к этому племени, или является эпонимный предок арзов или какой-то их части).

Также мы допускаем, что термин *Арзашкуни* переводится как «к поселению в лесистых горах».

С термином *Алзи // Алше* мы связываем гидронимом *Алазань* в Панкисском ущелье Восточной Грузии (сравн. назв. р. *Арцани*), в верховьях которого проживали нахские этнические группы кистин и бацбийцев.

Согласно преданию, предки мержоевцев (принадлежат к обществу орстхой) в древности жили у берегов Черного моря, где течет р. Зигур [\[13, с. 79\]](#). Комментируя это предание Г. Дж. Гумба пишет: «В данном случае нельзя пройти мимо поразительного факта: название *Зигур (Зиг-ур – из Зига)* нахских этногенетических преданий находит прямую параллель в древних названиях, которые упоминаются в античных источниках на юго-восточном побережье Черного моря, в местах проживания халибов (Халтик) – это местность *Зигана (Зига-на)*, *Зигаполь (Зига-поль)* на берегу реки *Цанахи* (соврем. р. Харшит, впадающая в Черное море юго-западнее г. Трапезунта, Турция) и перевал *Зиган* в 40–45 км к юго-западу от Трапезунта, на восточном водоразделе р. Цанахи. Зиган встречается и в топонимии верховьев рек Иори и Алазани – это местность *Зигана* в Цанарии. О местности Зигана в долине Алазани имеется сообщение и в грузинской хронике XIV в.» [\[39, с. 160–161\]](#).

В раннесредневековых источниках в Юго-Восточном Причерноморье упоминается страна лазов Лазика, которая в «Истории Армении» локализуется рядом с Халтик (т.е. Халдией) [\[42, с. 8\]](#). В «Армянской географии» VII в., сообщается: «Егер разделяется на четыре провинции: *Манрили, Егревика, Лазив, Джанив*, т. е. *Хагтик*» [\[42, с. 8\]](#). Две последние получили свои названия от племен лазов и чанов. Отметим, что это тот район, где встречаются топонимические названия с корнем *Зига*. Также здесь сохраняется немало топонимических названий с корнем **арц // арс** и **ца // цу // ци** [\[39, с. 161, 162\]](#).

Цаны Арриану были известны под именем *занны*, а Прокопию – как *тзаны* [\[42, с. 8\]](#). Сегодня на этой территории проживают два картвельских народа – *чаны* и *лазы*. Дьяконов пишет, что халибы-халдайцы также назывались мосхами и жили между тибаренами на западе, мосиноиками на севере и матиенами на юге – юго-востоке [\[49, с.](#)

[217-218](#)]. При этом в примечании к этому отмечает: «Халдайцы впоследствии носили обозначение *чаны* и *лазы*» [\[49, с. 217-218 \(прим. 71\)\]](#). Судя по всему, эти последние унаследовали свои названия от древних цанов (саннов) и алзов (арзов), которые в Юго-Восточном Причерноморье, как и на территории Урарту, современных Армении и Азербайджана и Центрального Кавказа, встречаются рядом друг с другом. Таким образом, *халибы* и *мосхи* являются разными обозначениями одного и того же народа – цано-алзов.

Нарт-орстхойцы. В Нартском эпосе вайнахских народов, нарты упоминаются в привязке с термином *орстхой* // *орхустой*. Интересно, что в чеченских преданиях нартов связывают с районом обитания карабулаков, называя их *наьрт-орстхой*. В то время, как в ингушских преданиях нарты приходили из Санибанского ущелья и обозначаются как *наьрт-орхустой* [\[10, с. 428; 21, с. 26, 30-40\]](#). Эту особенность отмечает также этнограф-кавказовед В. П. Кобычев [\[54, с. 27\]](#).

Часть исследователей (В. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Ж. Э. Дюмезиль, Ю. С. Гаглойти и др.) считает, что под нартами скрываются предки осетин – скифы, сарматы, аланы и т.д. Однако если даже допустить, что эти народы являются предками современных осетин, то следует отметить, что ираноязычные племена в древности господствовали на значительной части территории соврем. Дагестана и Азербайджана, где вдоль западного побережья Каспийского моря примерно с I в. н. э. обитало скифское племя массагетов [\[55, с. 109\]](#). В. И. Абаев в своих исследованиях пришел к выводу, что аланы (которых он считал предками современных осетин) были массагетского, т.е. среднеазиатского происхождения [\[56, с. 12\]](#). Следовательно, если бы сказания о нартах были связаны с аланами, то и на востоке Кавказа подобные сказания мы встречали бы в обилии, как на западе и центре, чего мы не наблюдаем [\[57, с. 6\]](#). Поэтому не логично связывать сказания о нартах (по крайней мере, все) с аланами или скифо-сарматами.

Обилие сказаний о нартах у осетин, с подробным описанием их биографии, часто приводится как факт, указывающий в пользу осетинского происхождения Нартиады. Однако такое обилие наблюдается не только у осетин. Как пишет П. К. Услар, «у осетин и кабардинцев в самом сердце Кавказа, нарты сами служат героями песен и сказок; каждый Нарт не только назван по имени, но известна и родословная его» [\[58, с. 28\]](#). Если бы сказанное касалось только осетин, или только кабардинцев, то популярность Нартского эпоса в народе, возможно, служила бы аргументом в пользу мнения осетинского или кабардинского его происхождения. Но если есть еще один народ, у которого мы наблюдаем то же самое, то этот аргумент фактически аннулируется. Понятно, что оба эти народа одновременно вряд ли представляли реальных нартов. Здесь следует иметь в виду, что сами осетины находились под культурным влиянием кабардинцев.

По мнению Е. И. Крупнова, наличие у ираноязычных осетин и тюркоязычных балкарцев и карачаевцев развитых циклов нартского эпоса, наоборот, подтверждает их сугубо местное, а не пришлое происхождение [\[59, с. 19-20\]](#).

У. Лаудаев отмечает, что из горских народов ближе всех знакомы с нартами были кабардинцы, что они зовут их поименно и складывали песни про их дела [\[20, с. 17\]](#). Это опять-таки не говорит в пользу осетинского происхождения Нартиады, но, возможно, свидетельствует о том, что адыги и их предки с древних времен соприкасались с дзурдзуками на территории Западного Кавказа, и поэтому были ближе всех знакомы с

ними.

По нашему мнению, тот факт, что именно эти два народа, которые в средневековый период заняли территорию исторического проживания племен кобанской культуры (в том числе и непосредственных предков современных нахских народов) «в самом сердце Кавказа», говорит в пользу нахского происхождения самих нартвов.

По историческим и археологическим данным протонахские племена обитали в центральных и западных областях Кавказа со времен возникновения майкопской культуры. По наиболее признанной в настоящее время теории, возникновение Майкопской культуры связано с исходом на Кавказ племен с убейдо-урукскими традициями с территории Северной Месопотамии, Сирии и Восточной Анатолии. А. Д. Резепкин говорит о втором и третьем импульсах со стороны урука, что привело в конечном итоге к становлению майкопской культуры новосвободненского периода [\[60, с. 101, 106, 108, 112\]](#). Здесь уместно вспомнить, что Дурдзук, согласно сведениям Леонти Мровели, жил на Кавказе еще до нашествия скифов, т. е. задолго до переселения хуррито-урартских племен на Кавказ на рубеже VII–VI вв. до н.э. [\[39, с. 344\]](#).

Кобанская археологическая культура распространилась примерно на той же территории, что и ее предшественница майкопская культура. Изменения произошли главным образом на западе, где племена майкопа были потеснены протоабхазо-адыгскими племенами. По мнению Г. Дж. Гумба, во второй половине I тыс. до н.э. кобанские племена образовали крупное политическое объединение племен, известное по античным источникам под названием *Малх (Махли, Махелония)*, по грузинским — под названием Дзурдзукети [\[61, 9–10\]](#). На наш взгляд, Махелония – это Кистия, а не Дзурдзукия, но в данном случае для нас важно присутствие нахоязычных племен в этом регионе в древности.

Е. И. Крупнов считал, что эпос возник на местной кавказской почве [\[59, с. 19–20\]](#). В осетинской Нартиаде, нартты делятся на три фамилии: *Ахсартатката, Бората и Алагата*. Первые – воины. Их род небогат, но обладает силой и отвагой. Второй род, Бората, постоянно враждует с Ахсартатката. Они богаты, но именно они послужили причиной гибели нартвов. Род Алагата редко упоминается в эпосе; Алагата – хранители всех ритуальных предметов, необходимых для обрядов. Первых мы связываем с архустойцами и орцхоевцами. Название вторых, возможно, одного корня с названием именем фамилии Боровых (которых мы относим к нашхоевской ветви нахских народов). Третьих Алагата, мы связываем с орстхоевским обществом *галай* и с названием страны *Халдия*, откуда прибыли цанары. То есть здесь мы видим три главные ветви нахских народов: дзурдзукскую, нашхоевскую и кистинскую.

На наш взгляд, в вайнахских Нартских сказаниях под «орхустойцами // орстхойцами», скрываются дзурдзуки, а не ираноязычные или иные пришлые народы.

Как пишет У. Лаудаев, «известный ключ в Кисловодске – *Нарзан (нарт-сан)* получил название от нартвов» [\[20, с. 17\]](#). Вторую часть этого термина («нарт-сана») мы связываем с дзурдзуками-цанами (цовами), к которым исследователи относят также царцов (*царциатæ*) из осетинских преданий [\[39, с. 116–119\]](#). В современном кабардинском языке существует термин *сонэ*, для обозначения сванов. Однако мы склонны считать, что этим термином предки кабардинцев обозначали и цанов (цанар), обитавших в древности в Юго-Восточном Причерноморье. «Вполне возможно, – пишет Н. Г. Волкова, – что сохранившиеся в настоящее время в осетинском и кабардинском языках названия *сæна* и *сонэ*, сопоставимы с античным и раннесредневековым *сан(ар) – цан(ар)*» [\[1, с. 127\]](#).

Потомками их отчасти являются современные цова-тушины [39, с. 156-157]. Интересно отметить, что местность своего проживания бацбийцы называют *Цовата*, а свое первое поселение здесь – *Царо*, считающееся родиной их предков [18, с. 6].

Также отметим, что согласно местным преданиям, записанным еще во второй половине XIX в., чеченцы-цонтарой считали себя потомками закавказских цова-тушин и хевсуров и выходцами с Южного Кавказа [39, с. 159]. При этом ДНК-исследования показывают близкое родство цонатроевцы с орстхоевцами (FamilyTreeDNA-Ingush DNA Project. Retrieved from <https://www.familytreedna.com/public/ingush/default.aspx?section=yresults>).

Возможно, название г. *Назрань* также образовано от словосочетания *нарт-сан* (т.е. нарты-цаны): в результате синкопы согласного *-т-* появляется форма *Нарсан*; в дальнейшем в комплексе *-рс-* происходит метатеза и озвончение глухого *с*: *Нарсан* à *Насран* à *Назран*.

Следовательно, здесь речь идет не об орхустойцах (орцхоевцах), а о нартах-цанах (нарт-цовах). Возможно, в этих районах цаны жили компактно.

Санибанское ущелье, по ингушским преданиям, считается родиной ингушских нартвов и самих ингушей [62, с. 22-27]. В этой связи особое внимание привлекают осетинские предания о народе *царци* (осет. *царциатæ*), проживавшего до прихода осетин в Санибанском и Дарьяльском ущельях. Древние кладбища, называемые в народе «царцийскими могилами», сохранились почти во всех горных селениях Северной и Южной Осетии [63, с. 234-250; 64, с. 46; 65, с. 80, 98]. Из всех существующих ныне точек зрения наиболее убедительной выглядит та, которая говорит о нахской этнической принадлежности царциатов [39, с. 118].

Исследовав осетинские сказания и предания о доиранском населении их страны, Г.Ф. Чурсин приходит к выводу, что царцы и нарты, возможно, являлись, если не одним и тем же народом, то два народа, жившие одновременно на территории нынешней Осетии [66, с. 75]. Следовательно, если царцы не являлись ираноязычными племенами, то и нарты также не были ираноязычны.

В начале XX в. Е. Г. Пчелина, на основе полевых исследований и всестороннего анализа собранных этнографических и фольклорных данных отождествила царцов с вайнахами и сопоставила их имя с именами *цанар*, *цов* [63, с. 237]. Согласно Р. Г. Дзаттиаты, царцы появились в горах Осетии уже в VI-VII вв. н. э. или несколько позже [67, с. 2], что по времени совпадает с переселением цанар из Гардмана в Центральный Кавказ [39, с. 153].

В свою очередь, в научных кругах высказывается мнение, что имя *царциата* является осетинской передачей термина *дзурдзуки* (*дзардзы*) исходя из фонетических и грамматических норм осетинского языка (*ц* заменяет нахский *дз* > *дзардза* – *царца-тæ*) [39, с. 118]. Косвенным подтверждением этого мнения служит и тот факт, что царцы указываются на той же территории, которую, согласно Леонти Мровели, занял Дурдзук после нашествия «хазар» (скифов) в VII в. до н.э. [3, с. 25]. Та территория, которая в античных и средневековых источниках называлась Цанарией (Санарией), в средневековых грузинских источниках называется Дурдзукией [39, с. 153-164]. На части этой же территории, согласно осетинским преданиям, проживали царцы и нарты [39, с.

[116-121](#)], а в ингушских преданиях - нарт-орхустой [\[10, с. 428; 21, с. 26, 30-40\]](#), как и сами ингуши (см. выше).

При этом *царциатæ*, по нашему мнению, общее название цовцев и орцхоевцев и является искажением от *ца(н)-арциух(ой)*, где нахский суффикс **-х(ой)** заменен на осетинский **-атæ** (*цан-арциуха > ца-арциата > царциата*). По сути, в ингушском эпосе названия нарти и орхустойцы (орстхойцы) объединены, что указывает на их родство, тем самым подтверждая мнение Г. Ф. Чурсина.

Этноним *дзурдзук* // *дзурдзух*, по нашему мнению, также образован путем сложения двух племенных названий, но является его грузинской формой: *цIo(ва)* // *цIу(ва)* и *арцух(ой)*: *цIува+арциух(ой)*. Далее в результате синкопы звуков **в** [w] и **а**, термин принял форму *цIурцух*. Например, инг. *хургва* – «буду», произносится как *хугва*. Процесс образования этнонима, возможно, выглядел следующим образом: *цIува-арцуха > цIу-арцуха > цIу-рцуха > дзурдзуха*. Переход звуков **ц** и **цI** в **з//дз** распространенное явление в нахских языках (38, с. 334). Например, сравните бацб. *моцI*, инг. *модз* // *моз* – «мед» [\[18, с. 142; 19, с. 306\]](#); чеч. *барз*, инг. *боардз* – «холм», «курган»; чеч. *ницкъа*, инг. *нидз* – «сила, мощь» [\[15, с. 48, 307; 19, с. 64, 317\]](#) и т.д. Сравните с арм. *цурцк* и осет. *царциатæ*. Отбросив окончания мн. ч. (**-к**) и (**-атæ**), получаем основу *цурц* // *царц*. Начальное **цу** // **ца** – это племенное название цанов // цобов из Цубани, а *а-рци* – название арц(ух)ов из Арзани. Обращает на себя внимание, что в термине *царциата* гласная первого слога долгая, как и в этнониме *орцхой* (*арцухой*).

Также мы допускаем, что конечное **-к** в термина *дзурдзук* может быть древнеармянским аффиксом мн. ч.

Иными словами, *дзурдзуки*, *цан(ар)ы*, *царцы* (*царциата*) и (*нарт*)-*орхустойцы*, (*нарт*)-*орстхойцы* – это разные варианты названия одного и того же народа – цова-арц(ух)ов, т.е. дзурдзуков. В этот же список мы включаем название орцхоевцев, которые, как уже было отмечено выше, являются переселенцами из местности Охкархи в современной Грузии на границе с Ингушетией [\[7, с. 149-150\]](#). Примечательно, что эта местность у Вахушти Багратиони названа *Дзурдзукети* (см. выше).

В вайнахском нартском эпосе *орстхой* // *орхустой* выступают как родственное остальным вайнахам и даже однородное с ними племя. Например, в сказании об «Охкар-Канте и Сеска-Солсе», Сеска-Солса назван «владельцем ингушского края»: «Сеска Солса, ты владеешь краем ингушей, а Охкар Кант - краем грузин...» [\[68, с. 215\]](#).

В предании о родословной нарт-орстхоевца Кинда Шоа, говорится: «У Гана был сын Га, у Га был сын Галга, у Галга был сын Кинда, у Кинды был сын Шоа. Шоа, сын Кинды, жил в селении Эмашка» [\[10, с. 427\]](#). То есть здесь прямо говорится, что нарт-орстхоевец Кинда происходит от Галга.

В другом варианте этого предания на ингушском языке говорится, что Кинди Шоа пришел из арабской страны Шема, и поселился местности Кинди Имара. Он взял дочь другого нарт-орстхоевца Сеска Солсы, которая родила ему трех сыновей. Старший поселился в Эгикале, средний – в Хамхи, младший – в Таргиме [\[69, с. 138\]](#). Эти три поселения в Средневековье объединялись в союз *Кекелли* (инг. *Кхаькхаьллие*), который стал политическим центром Галгаи. Если исходить из того, что нарт-орстхоец Кинди Шоа был потомком этнарха Галга, который, в свою очередь, является потомком Га, то в этом предании прямое указание на то, что нарт-орстхойцы (нарт-орхустойцы) происходят от

галгаев и одного происхождения с кекеллинцами.

В тех случаях, когда нарты выступали как враждебное племя, обычно имеются в виду калмыцкие, ногайские или иные инородные племена. Н. Г. Волкова отмечает, что термин *орстхой* среди чеченцев и ингушей имеет два значения: среди ингушей и западных чеченцев – это обозначение реального народа, в представлении восточных чеченцев (преимущественно среди жителей Ичкерии и Чеберлои) – название легендарных богатырей нарт-орстхойцев, которые не были чеченцами и говорили не на вайнахском языке [1, с. 170–171].

В предании о заселении Ичкерии повествуется, что до чеченцев здесь обитали Нарт-орстхойцы. Чеченцы пришли туда из Нашхоя, и дали им семь дней сроку покинуть занимаемую территорию. Нарты отказались, и чеченцы на восьмой день прогнали их за Терек. (Белякова Е. В. К вопросу специфике образа Нартов в чечено-ингушском эпосе // ЛАИ. 10.10.2009. <https://lah.ru/k-voprosu-o-spetsifike-obraza-nartov-v-checheno-ingushskom-epose/>). Из контекста видно, что речь идет о каком-то инородном народе. Судя по топонимическим названиям Ичкерии, здесь когда-то проживали тюркоязычные племена. То есть в данном случае название *Нарт-орстхойцы* играет ту же роль, что в работе Леонти Мровели термин «хазары».

Интересно отметить, что в ингушской Нартиаде делается различие между нартами и орхустойцами. Нартами обычно называют местных героев, а орхустойцы приходили с левобережья Терека. «В памяти народа нартты являются рыцарями, защитниками слабых, и вот почему они ведут борьбу с орхустойцами, являющимися в народных сказаниях, как люди коварные, завистливые» [70, с. 1–20]. Возможно, под «нартами», в ингушском эпосе скрываются кисты, а орхустойцы представляют орцхоевцев (арцухов).

И здесь выглядит необоснованным мнение некоторых исследователей, связывающих всех нартов с иранским миром. Ведь если допустить ираноязычность всех нартов, то как объяснить, что в ингушских сказаниях местные, а не пришлые герои называются нартами?

Было предложено множество объяснений этого термина из иранских языков. По большей части считается, что термин *нарты* так или иначе связан с иранским *нар-*, означающим «мужчина». Этому мнению придерживаются Лопатинский, Блейхштейнер, Трубецкой, Рахлицкой, Мейер, Дюмезиль, Бейли, Бенвенист и т.д. [71, с. LVI]. Однако такое объяснение, по мнению В. И. Абаева, неприемлемо, т. к. иранское слово *нар* отражено в осет. *нэл* – «мужчина», и нет никаких оснований думать, что существовала параллельная (осетинская) форма *нар* [71, с. LVI]. Ученый считал, что слово *нарт* восходит к монгольскому *нара* – «солнце», т. к. многие герои эпоса связаны с солярным мифом [71, с. LVI–LVIII].

Не отрицая возможность версии В. И. Абаева, мы сопоставляем *нар* с нахским словом *мал(х)*, который в аккин. диалекте чеч. яз. звучит как *марх* [16, с. 25], а в бацб. яз. – *матх* [18, с. 351, 354, 356.]. При этом *маълха* (аккин. *маърха*) означает «солнечный» [19, с. 298]. Здесь уместно вспомнить, что кабардино-осетинское название кистов было *макал*, *мæхъæлон* [72, л. 858–860; Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / АН СССР. Институт языкознания. Ленинград: Наука, 1973. Т. II (L–R). 448 с. с. 94–95].

К. З. Чокаев отмечает чередования начальных звуков *н* – *м* в топонимических названиях в горных районах Чечни. По мнению исследователя, *Ма* // *На* – это имя культа солнца и

название планеты Солнце [\[36, с. 8\]](#).

Поэтому мы вполне допускаем, что под названием *нарты* в западновайнахских сказаниях скрывались кисты-махалы (у которых был развит культ солнца), а под орхустойцами // орстхоевцами – дзурдзуки, которые поклонялись культу огня.

Следовательно, конфликты между нартами и орхустойцами были межплеменные столкновения внутри вайнахского этноса (за исключением тех случаях, которые отмечались выше), которые особенно были свойственны периоду Средневековья. В сказаниях орхустойцы не называются инородцами. Наоборот, они предстают как относящиеся к вайнахскому миру.

По нашему мнению, дзурдзуки в какой-то исторический период доминировали среди протонахских племен. Это доминирующее положение отразилось в Нартском эпосе. Причем не только у чеченцев и ингушей, но и у народов Центрального и Западного Кавказа.

Доминирование дзурдзуков среди потомков Кавказа отмечено Л. Мровели: «Дурдзук же, что был самым знаменитым среди сынов Кавказа, ушел и расположился в горной теснине, которой и дал имя свое – Дурдзукети, и стал данником хазарского царя» [\[3, с. 25\]](#).

Род Сесакана. Амянский историк V-VI вв. (по другой версии VII-IX в) Мовсес Хоренаци объяснял происхождение названия *Алванк*, ссылаясь на имя легендарного родоначальника рода *Сисака*, которому при распределении северных стран «выпала в наследство Албанская равнина с ее горной частью, начиная от реки Ерасх (Аракс) до крепости, называемой Хнаракерт (Хунаракерт – прим. М.А.), и ... страна эта по кротости нрава Сисака названа Алванк, так как ему самому название было Алу» [\[74, с. 4\]](#). По нашему мнению, Алу – это эпонимный предок албанцев. Следовательно, название Албания означает «принадлежащая Алу // Алве // Албе», или «страна албов». Сама эта территория, о которой идет речь, указывается в районе современного Карабаха (арм. *Арцах*). В предании о Кинда-Шоа фигурирует Сеска-Солса, а в районе, где потомки Кинда-Шоа основали Эгикал, Хамхи и Таргим, до сих пор сохраняются развалины храма Алби-Ерды, чье название означает «святилище Албы».

Другой древнеармянский историк VII в. Мовсес Каганкатвацци также связывал название Албании с родом Сесакана. Он приводит и имя этого представителя из рода Сисакан – *Аран*, (сравн. с именем первого царя Урарту – *Арам*) «который наследовал поля и горы *Алванк*». Албания также называлась Арраном, а крупнейшим племенем в этой стране были гаргары, которых ряд исследователей связывают с галгаями [\[75, с. 25, 29; 76, с. 222 \(прим. 4\)\]](#). По нашему мнению, албаны – это те же халибы, с которыми были связаны цовы и арзы в Юго-Восточном Причерноморье. Не случайно, территория Албании стала называться Арцахом, а в Халибе появилась Лазика (Алзи).

Согласно древнеармянской мифологии, этнархом армян является человек по имени Хайк, который летом 2492 года до н.э., перешел из Месопотамии на побережье Вана, во главе 300 мужей с их семьями. Вардан во «Всеобщей истории» сообщает о родословной его потомков: «От Хайка происходит Араманиак, от которого получила своё наименование гора *Арагатц*. От Араманиака – Армаис, который построил Армавир. Армаис родил Амасиа, от которого получила свое наименование гора Масис. Амасия родил Гехама, который построил Гехаркуни. Гехам родил Сисака, от которого происходит Сюник, и Хармая, который родил Арама, именем которого все народы называют нас

Армениями» [45, с. 18]. Согласно данному преданию, Сесакан является родоначальником области Сюник, откуда в Центральный Кавказ, как мы уже писали выше, мигрировали цанары (т.е. цова-арцухи).

Название рода *Сисакан* напоминает имя главного героя вайнахского нартского эпоса *Сеска-Солса* / *Сескан-Солса*. Причем в имени последнего первая часть является названием рода, произведенное от человека по имени *Сеска*, а *Солса* - имя собственное. В более ранний период в нахских языках это имя могло звучать как *Сесакани Солсан*. Дело в том, что соврем. чеченскому и особенно ингушскому яз. свойственно отпадение конечного назального звука **-н**. А в ингушском языке он выпадает и в интервокальной позиции. Например, слово *паста* - «дыня» [19, с. 334], заимствовано из кумыкского языка, в котором оно звучит как *пастан* (Кумыкский-Русский словарь. Retrieved from <https://speak.tatar.ru/dict/kum-rus/pastan/>). В чечено-ингушском языке конечный назальный звук **-н** отпал. В чеченском языке он сохраняется в склонениях: *паста* – *пастано*, *пастанаш* [15, с. 327]. А в ингушском языке оказавшись в интервокальной позиции этот звук выпадает, вследствие чего происходит стяжение кратких гласных и появление долгого **-а:** им. п. ед. ч. *паста* [па:стэ], род. п. ед. ч. – *паста* [па:ста:], им. п. ед. ч. *пасташ* [па:ста:ш]. То есть *Сеска-Солса* означает «Солсан из рода Сес(а)кана» (Солсан Сесаканов).

В армянской легенде Сесакан происходит от Хайка. В ингушских преданиях *Сеска-Солса* находится в родственных связях с орстхоевцем Кинди Шоа, который является потомком *Га*. При этом кекеллинцы являются потомками Кинда Шоа и дочери *Сеска-Солса*. То есть *Сеска-Солса*, по всей видимости, также является потомком *Га*, чье имя, по нашему мнению, одного корня с именем *Хайк*. В сообщениях Мровели данный эпоним имеет форму *Гаос* [3, с. 21]. При этом *Хайк* и *Гаос* родом из Месопотамии, откуда происходили урукские миграции на Кавказ (см. выше). А судя по сведениям из вайнахских преданий, *Га* родом с Передней Азии.

Иначе говоря, *Хайк* и *Сесакан* из армянской легенды – это *Га* и *Сеска* в вайнахских преданиях. Имя *Шоа*, по нашему мнению, является эпонимом Дарьяльского ущелья и горы Казбек, которые у осетин называются соответственно *Сона* и *Соана*, и происходит от этнонима *цова* (см. выше).

В предании говорится, что Кинда Шоа пришел из Шема. Считается, что здесь речь идет о Сирии, которая у вайнахов называется *Шайма* // *Шема*. Однако мы вполне допускаем, что в данном случае произошла путаница по причине созвучия, а на самом деле здесь речь идет о местности в Дарьяльском ущелье, где сегодня находится селение Чми. В конце XVIII века Иоганн Готлиб в этом районе упоминает кистинский «Шемский округ» [77, с. 177].

Примечательно, что Карабах (арм. Арцах) в древности носил также название *Орхистена* (греч. Ὀρχιότηνῃ) [78, с. 193]. При этом в конце этих названий мы встречаем суффиксы **-х** и **-н**. И. М. Дьяконов считал, что форма собственных имен на суффиксе **-ni/e**, постоянно встречающемся в конце названия города или страны, является урартским детерминирующим показателем **-ni**, который также может легко заменяться формативом **-hi-**, образующим притяжательное прилагательное [22, с. 34]. То есть *Орхистена* означает «принадлежащая орхистам», а *Арцах* – Арцинская // Арстинская страна». При этом *орхустой* означает «выходцы из Орхуста (Орхиста)». Возможно, этим объясняется существование двух вариантов названия нартвов в вайнахском эпосе – *наьрт-орстхой*

(«нарти-орхистенцы»), и *наьрт-орхустой* («нарти-арцахцы»).

В. И. Абаев возводит термин *орхустой* (< *архустой* < *архурставш*) к имени одного героев из осетинского Нартского эпоса – *Ахсартæг* (*Xsærtæg* // *Æxsærtæg*) и считает, что это имя, как и весь Нартский эпос, восходит к скифскому времени. Автор предлагает следующий вариант трансформации этого имени в ингушском языке: *Axsartoj* à *Arxastoj* à *Orxustoj* [79, с. 229].

Схожего мнения придерживается М.-РИБрагимов, который считает орстхоевцев потомками ираноязычных алан, ассимилированных вайнахами. Автор связывает термин *орстхой* с самоназванием осетин *ир* и считает, что орстхоевцы, возможно, являются потомками аборигенного ираноязычного населения раннесредневековой страны Центрального Кавказа *Ирхан* // *Ихран* [80, с. 60].

Не удивительно, что В. И. Абаев, как и другие сторонники скифского происхождения Нартского эпоса у кавказских народов, не рассматривает вариант, что предки осетин могли термин *Æxsærtæg* заимствовать у коренного населения, занятой ими территории. По нашему мнению, ингушское *орхустой* происходит от более древней формы *арстухой*, вследствие метатезы в комплексе **-стух-** : *артсухой* à *орстухой* à *орхустой*. Корневой гласный **-а-** перешел в **-о-** под влиянием гласного **-у-** последующего слога (закон сингармонизма). И уже из формы *архустой* получено осетинское *Æxsærtæg*, с прибавлением осет. суффикса **-æг** вместо нахск. **-ой**. Тот факт, что, в отличие от осетинского языка (как впрочем и кабардинского и др.), оба эти варианта названия, а также вариант *орцхой* (< *арцухой*) сохраняются в вайнахских языках, говорит в пользу нахского происхождения термина *орхустой* // *орстхой*. На наш взгляд, все они являются диалектными вариантами одного и того же дзурдзукского этнонима.

В легенде о Хайке (Гаосе), приводимом во «Всеобщей истории» Вардана, Хармай (как и Сесакан, от которого происходит название *Сюник*, согласно легенде) назван потомком человека по имени *Гехам* (сравн. с названием р. *Гехи*, где обосновались аккинские орстхоевцы).

Арам же назван потомком Хармая. В этой связи отметим, что главная река Джейрахского ущелья, где обосновались мигрировавшие из Грузии орцхоевцы, называется *Армхи* (инг. *Іарамхий* // *Хьармхий*). Конечное **-хи** в этом гидрониме переводится как «река». А первая часть – *Арм* (инг. *Іарам* // *Хьарм*), возможно, имя собственное (или племенное название). Следовательно, *Армхи* означает «река Арама // Харма». Сравните с именем первого царя Ванского государства *Араму*, а также с именем потомка Хайка – *Арам*, который в армянской мифологии был сыном брата Сесакана (вайн. *Сеска(н)*) по имени *Хармай*. Возможно, имена *Арам* и *Хармай* одного корня с нахск. гидронимом *Іарам-хий* и *Хьарм-хий*.

В этой связи отметим, что на юге Грузии, севернее Сюника и Арцаха, есть р. *Храми*. В районе впадения этой реки в Куру, согласно сообщению Вардана, обитали цанары. Гидроним *Храми* мы также связываем с инг. *Іарамхий* // *Хьарамхий*. Грузинский язык адаптировал нахское название под свои грамматические нормы: *Хьарам* > *Храм* + груз. оконч. существительных **-и**.

В свою очередь, название р. Кура мы сопоставляем с наименованием горного хребта *Куорилам* // *Квирилам*, в верховьях Фортанги, где находятся тейповые поселения орстхоевцев-мержоевцев.

Вообще, из восьми потомков Хайка, перечисляемых в предании, четыре носили имена,

имеющие в основе корень **арм** // **харм**: *Арманияк, Армаис, Хармай и Арам*. Возможно, «Хайк родил Араманиака» означает, что в древности было племя арманов (урманов), происходившее от месопотамского народа хай. Интересно, что, согласно одному из преданий, все вайнахи являются потомками человека по имени Га (вайн. *Га*) [68, с. 315–316; 81, с. 21]. В некоторых других преданиях Га назван этнархом галгаев [82, с. 134–135; 68, 314–315]. Вряд ли все эти совпадения случайны.

Также вызывает интерес имя потомка Армаиса – *Амасиа*, которое мы сопоставляем с названием амазонок (амазонов).

Как мы видим из вышеприведенных данных, мифические нарт-орхустойцы, возможно, происходят из тех же районов, что и цанары – из Сюника и Карабаха (Арцах).

Формирование арштхоевского общества. Что касается формирования современного арштхоевского общества, то оно, по нашему мнению, образовалось в результате нескольких волн миграции кисто-дзурдзукских племен в междуречье Фортанги и Гехи.

Первая волна, по всей видимости, появилась еще в древности. Возможно, это были племя галаев (халдов?), которое обосновалось в ущелье, получившее от них название *Галайн чІож* – «ущелье галаев». Мы склонны считать, что галай по происхождению являются кистами, а не дзурдзуками. Но находясь в какой-то исторический период под влиянием последних, со временем стали причислять себя к дзурдзукам и перешли на их диалект.

Появление последней миграционной волны дзурдзуков в междуречье Фортанги и Гехи мы связываем с экспансией адыгских и ногайских племен в Центральный Кавказ в XIV–XVII вв. В ингушском илли (песня-легенда героико-эпического жанра) «Махкинан», повествуется о нападении на равнинных галгаев ногайцев и кабардинцев примерно в это же время. Текст этой песни был записан русским офицером В. Козьминым в 1875 г., т.е. за двадцать лет до первой публикации, в ингушском с. Гвилети, расположенном у подножия горы Казбек, со слов местного жителя Пацы (Retrieved from https://vk.com/wall-61694970_7975). Название этого повествования сохранилось в той форме, как оно звучало на старом феппинском (кистинском) диалекте галгайского языка и означает «мать страны». В нем рассказывается о том, что галгаи жили по р. «Доксолжи», но в результате нашествия ногайцев и кабардинцев, вынуждены были покинуть равнинные земли и укрыться в горных ущельях [83, с. 2–3]. Интересно, что кабардинцы в 1549 г. были подчинены ногайцам [84, с. 112].

Доксолжи означает «Большая Сунжа» (видимо, среднее или нижнее течение р. Сунжи). По мнению ученых, постмонгольский период, нахские племена начали переселяться с гор на равнину [85, с. 7]. Возможно, те из них, которые выселились из Ассиновского, Джейрахского, Дарьяльского, Куртатинского и др. ущелий, расселились по Сунже. Однако экспансия кабардинцев и ногайцев вынудило их вновь покинуть равнинных территории и перебраться в горные ущелья. Интересно, что в ингушском илли говорится: «Спасаться в скалистых пещерах... И так, мои друзья, народ наш разбился, На мелкие кучки, в горах поселившись». То есть народ разделился на мелкие группы и укрылся в скалистых горах. Вполне возможно, что орцхоевцы разбились на несколько групп, одна из которых укрылась в верховьях Фортанги, другая – в Джейрахском ущелье и Дарьяльском и др. ущельях.

По всей видимости, междуречье Ассы и Гехи к приходу вайнахов было заселено другим

народом. Имеется немало данных, свидетельствующих о проживании в этом районе дагестанских племен. Например, ДНК-исследования у современных представителей галанчожских обществ обнаруживается большой процент гаплогруппы J1, родственные 'дагестанским' гаплотипам той же гаплогруппы (Retrieved from <https://www.familytreedna.com/public/ingush/default.aspx?section=yresults> ; <https://www.familytreedna.com/public/Chechen-Noahcho?iframe=yresults>).

Этнологические сведения также подтверждают факт пребывания в этом районе дагестанцев. Например, И. П. Головинский во второй половине XIX в. писал, что в верховьях Бамутского ущелья встречаются склепы значительных размеров, сложенные из грубо обделанных каменных плит, которые у местных называются *Тинды-амриж* – «могилы тиндов» [41, с. 249]. *Тинд(ал)ы* – дагестанский народ, который сегодня проживает в горах Юго-Западного Дагестана. По всей видимости, под натиском нахских племен они постепенно передвинулись на восток.

Также у орстхоевцев, как и у других галанчожских обществ, обнаруживается большой процент гаплогруппа L, которая незафиксирована среди джейраховцев и других западных обществ. Из этого мы делаем вывод, что представители данной группы влились в состав орстхоевцев уже в районе Галанчожского и Ассиновского ущелий. Возможно, эта гаплогруппа связана с арабскими колонистами, мигрировавшие в междуречье Ассы и Гехи примерно во время арабо-хазарских войн. В подтверждение этой версии укажем, что в чеченских преданиях фигурирует как один из этнархов нахских народов араб из Сирии или Аравии [82, с. 138–139].

Также мы допускаем, что представители данной группы мигрировали с территории Урарту вместе с предками нахских народов через Аргунское ущелье.

Интересно отметить, что в ингушских сказаниях, записанных Ч. Э. Ахриевым, нет никаких указаний на то, что карабулаки являются частью нарт-орхустойцев. Автор в своей работе приводит орштохоевцев и орхустойцев по отдельности и даже намеком не указывает на возможность ассоциации первых с орхустойцами. Для Ч. Э. Ахриева карабулаки-орштохой – это одно из ингушских обществ [21, с. 4–5, 27–30, 40 (прим. 2)], а орхустой – мифические нарт, приходившие из Санибы [21, с. 25–27, 31–40]. Возможно, это объясняется тем, что в составе карабулаков был значительный процент местных родов, влившихся в их состав в верховьях Фортанги и Гехи.

Вместе с тем, Ч. Э. Ахриев приводит предание, согласно которому обанхойцы производят себя от орхустойцев. В этом предании говорится: «Хотя мы теперь дурные люди, но наши предки не были похожи на нас; они были славными героями и прославили себя между народом. Наши предки происходят от орхустойцев; они вышли из Балты, поселились на берегу реки Арм-хий и основали аул Оббоно» [21, с. 26]. Иными словами, согласно этим сведениям, часть современных ингушей происходит от орхустойцев, которые пришли из того района, где в осетинских преданиях указывается народ царциата (см. выше). В связи с этим укажем на название ледников «Колка и Абано» и вершины *Орцвери* на Казбек-Джигарайском горном узле [87, с. 13]. В основе последнего, возможно, стоит этноним *орцу(хой)*, а в *Колка* мы видим самоназвание ингушей – *гIалгIай*.

Но особое внимание в этом предании привлекает информация о том, что когда-то славные предки обанхойцев были героями и прославились среди народа. Мы видим здесь параллель с преданием, которое приводит С. М. Броневский, где говорится, что карабулаки когда-то были воинственным и уважаемым соседями племенем, пока они не

возгордились и не начали заниматься грабежами и убийствами. После этого карабулаки были разгромлены соседними племенами. Судя по данным, приводимым С. М. Броневским, карабулаки в его время вели кочевой образ жизни и 200 их семей попали в зависимость от «чеченцев» [\[30, с. 168\]](#). Под «чеченцами», видимо, имеются в виду чеченские князья Турловы.

Описание, которое дает С. М. Броневский карабулакам в его время, согласуется с описанием обанхоевцев в предании: «Хотя мы теперь дурные люди...». Вместе с тем, в обоих преданиях говорится о славной истории в прошлом, что косвенно свидетельствует о связи фортанговских орстхоевцев с джейрахскими орцхоевцами.

Вместе с тем, ни в русских, ни в других средневековых письменных источниках мы не находим сообщений о крупном и сильном народе в Центральном Кавказе под названием *карабулаки* или *аршти* // *орстхой*. Из всего этого мы делаем вывод, что в данном случае речь идет о более древнем периоде истории и о далеких предках части современных орстхоевцев и орцхоевцев (а также цоринцев, аккинцев, джейраховцев и т.д.), т.е. о дзурдзуках, «самых знаменитых среди сынов Кавказа» [\[3, с. 25\]](#). Эта характеристика, данная Л. Мровели дзурдзукам, вполне согласуется с описанием нарт-орстхоевцев // нарт-орхустойцев в вайнахских сказаниях.

Согласно вышеприведенным данным, исходный пункт, откуда пришли орстхоевцы (побережье Черного моря, где течет р. Зигур), цова-орцхоевцы (страна южнее Грузии), цанары, возможно, и орхустойцы, один и тот же – страна Халдия или Халиб на юго-восточном побережье Черного моря.

Интересно отметить, что И. И. Пантюхов в начала XX вв. писал, что «судя только по волосатости тела и устройству головы, не говоря о других признаках, следует заключить, что из Сирии, под предводительством Киста, пришли халдеи» [\[87, с. 24\]](#). На наш взгляд это были урарты-халды (алароды), которые расселились в том числе и по территории Северной Сирии. Вместе с тем, автор, по нашему мнению, прав в том, что Кист это эпоним халдов.

И. И. Пантюхов также отмечает присутствие среди ингушей двух антропологических типов, различающихся по головным показателям и пигментации [\[87, с. 21\]](#).

В начале XX в. Б. Плечке обратил внимание на то, что среди чеченцев более темная пигментация кожи встречается у жителей восточных районов Чечни, где жили выходцы из Ичкерии [\[88, с. 30–38\]](#). Это согласуется с нашими выводами о том, что цанары переселились в Наших (где уже обитали арги) и оттуда в XV-XVI вв. переселились в Ичкерию. Видимо, неслучайно чеченцы в одном из своих преданий производят себя от бацоев-цовцев (см. выше).

Также Б. Плечке отмечает более темный цвет кожи у ауховцев, по сравнению с другими вайнахскими обществами [\[88, с. 36\]](#). Примечательно, что ауховцы в значительной степени состоят из представителей орстхоевских и ичкерийских тейпов [\[7, с. 168\]](#). Возможно, разная пигментация чеченских и ингушских субэтнических групп связана с тем, что предки их с территории Урарту и Восточного Причерноморья в Центральный Кавказ переселялись несколькими миграционными волнами от древнейших времен до Средневековья. По нашим наблюдениям, в Ингушетии среди мержоевцев, джейраховцев, орцхоевцев и орстхоевцев чаще других встречаются представители с более темным цветом кожи.

Заключение. Таким образом, этноним *дзурдзуки* есть результат сложения двух племенных названий: *цIo(ва)* и *арцух(ой)*. Также, мы приходим к следующим выводам:

1) Легендарный представитель рода Сисакана, получивший в наследство часть Албании (которая называлась также *Орхистена* // *Арцах*) и герой Нартского эпоса Сеска-Солса (Сослан из рода Сесакана), называвшийся орхустойцем (т.е. орхистенцем) принадлежат к одному и тому же племени и роду.

2) Фортанговские *орстхой*, джейрахские *орцхой*, а также цова-тушины, имеют одно дзурдзукское происхождение и в определенный период истории доминировали среди «потомков Кавказа». А *орцхой*, *орстхой* и *орхустой* – это разные варианты имени одно и того же дзурдзукского племени.

3) *Царциата* – эта осетинская передача нахского *цова-арцух*, т.е. *дзурдзук* // *цурцух*.

Орцхоевцев, мержоевцев, торшхоевцев и т.д. мы связываем с одной из последних крупных волн миграции дзурдзуков на Кавказ, происходившей после крушения Ванского царства. С территории урартских областей Цупани и Алзи (Азирани) они мигрировали в Юго-Восточное Причерноморье, где образовали области Санна (Цаника) и Алзи. Далее часть их переселяется на восток в район оз. Севан, где возникают области Сона (Сюник) и Орхистена (Арцах). Через Гардман дзурдзуки переселяются в Центральный Кавказ. Здесь они основывают области Цана (Ксани) и Арцух (Эрцо). Далее часть их переселяется на северные склоны Центрального Кавказа, где в итоге одна группа оседает в Дарьяльском и Джейрахской ущельях, а вторая – в верховьях Фортанги.

Со временем фортанговские орстхоевцы обособились от своих соплеменников, проживавших в Дарьяльском и Джейрахском ущельях. Этому способствовало и то обстоятельство, что на новом месте они смешивались с аборигенным населением междуречья Ассы и Гехи. В дальнейшем произошла ассимиляция последних и консолидация разноэтнических групп, в результате которого образовалось арштинское (орстхоевское) общество.

Древнее самоназвание цобов из Цупани сохранилось у бацбийцев в форме *цIова* и в этнониме картвельского народа *чаны*. Название выходцев из Алзи (Азирани) сохраняется у вайнахских обществ *орстхой* и *орцхой*, в названии их родового села *Эрзи* и картвельского народа *лазы*.

Библиография

1. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 1973. 208 с.
2. Гаджиев, В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. Москва: Наука, 1979. 271 с.
3. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Сев. Кавказа и Дагестана / Пер. Г. В. Цулая. Москва: Наука. 1979. 105 с.
4. Базоркин М. М. История ингушей по известиям Вахушти о дзурдзуках / М. М. Базоркин 1937. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 290 с.
5. Джамирзаев С. М. Культурно-этнологический контент исторического прошлого чеченцев и проблемы развития этнотуризма // Культурная жизнь Юга России. 2018. 3 (70). С. 44–46.
6. Твёрдый А. В. Кавказ в именах, названиях, легендах: опыт топонимического словаря / ред. Ю. Г. Макаренко. Краснодар: Платонов И., 2008. 432 с.

7. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Ответ. ред. В. К. Гарданов. М.: Наука, 1974. 276 с.
8. Вахушти Царевич. География Грузии / пер. М. Г. Джанашивили // ЗКО ИРГО. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. 224 с.
9. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской лит., 2009. 422 с.
10. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. Ред. И. А. Дахильгов. М.: Наука, 1972. 469 с.
11. Бызов И. В. Аланы: кто они? // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Грозный: Книжное изд-во, 2008. Вып. 1. С. 187–191.
12. Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. Нахский пласт в сарматской ономастике // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Выпуск I. Грозный: Книжное изд-во, 2008. С. 48–113.
13. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии: в 4-х частях (1976–1985 гг.) / Ред. А. Х. Шайхиев. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1978. Т. 2. 289 с.
14. Вагапов А. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: Меридиани, 2011. 733 с.
15. Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 629 с.
16. Арсаханов И. А. Чеченская диалектология / Под ред. З. А. Гавришевской. Чечено-Ингушский НИИ истории, языка, литературы и экономики. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1969. 211 с.
17. Оздоев И. А. ГІалгІай метта орфографический словарь: Орфографический словарь ингушского языка. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1961. 258 с.
18. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика: моногр. / Ответ. ред. Б. А. Серебренников. ИЯ АН СССР. М.-Л.: 1-я тип. изд-ва АН СССР, 1953. 384 с.
19. Ингушко-русский словарь / Сост. А. С. Куркиев Магас: Сердало, 2005. 544 с.
20. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ (Сборник сведений о кавказских горцах). Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. IV. Отд. 1. С. 1–62.
21. Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис: Тип. главного управления Наместника Кавказского, 1875. С. 1–40 с.
22. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту) / Отв. ред. И. А. Орбели. М.: Изд-во ВЛ, 1959. 286 с.
23. Neurgon, Jacques (2002). *La Vie quotidienne chez les Etrusques* [Daily Life of the Etruscans]. Paris: Hachette (1961, 1989). Translator James Kirkup. London: Phoenix Press. 308 p.
24. Anne Mueller von der Haegen and Ruth F. Strasser. *Art & Architecture, Tuscany*. Potsdam: H.F. Ullmann (Tandem Verlag), 2013. 626 p.
25. Чурсин Г. Ф. Авары : этнографический очерк. 2-е изд. / Ред. Р. И. Сефербеков. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004. 120 с.
26. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), 2008. 380 с.
27. Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. 2-е переиздание (измененное, включает 4 части) / Ред. Т. И. Бураева. Грозный: Книжное изд-во, 2006. С. 712.
28. Долгиева М. Б., Картоев М. М., Кодзоев Н. Д., Матиев Т. Х. История Ингушетии / Отв. ред. Н. Д. Кодзоев. 4-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. 600 с.
29. Klaproth J. H. *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unter nommen in den Jahren*

- 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, enthaltend eine vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Vol. 2. Halle und Berlin: In den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812. xvi, 625, 288 p.
30. Броневский С. М. Новешие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2-х ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 2. 491 с.
31. Бамматов З. З. Русско-кумыкский словарь : Около 30 000 слов. / Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы. Москва: ГИС, 1960. 1148 с.
32. Гюльденштедт И. А. Путешествие по России и Кавказским горам // Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков З. Нальчик, 2010. С. 228–246. Guldenstedt, I. A. (2010). Travel to Russia and the Caucasus Mountains. In Caucasus. European diaries of the XIII–XVIII centuries. Issue 3 (pp. 228–246). Atalikov, V. (Ed.). Nalchik. Publishing house M. and V. Kotlyarov.
33. Волкова Н. Г. Бацбийцы Грузии. Советская этнография. 1977. № 2. С. 84–89.
34. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 41–132.
35. Албогачиев М. М. О происхождении названия государства “Митанни” и нахских этнонимов “бацби”, “ваппий” // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки 2024. №1. С. 7–11. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.01.01 Retrieved from <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2024/№01/e37d568d-a53a-4274-927c-f549ef064883>
36. Чокаев К. З. Нахские Языки. Историко-филологические изыскания: моногр. (сборник статей с 1964 по 1990 гг.) / Ред. И. А. Ирисханов. Гр.: Книга, 1992. 192 с.
37. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии: в IV частях. Ч. I: Горная Чечня. (1976–1985 гг.) / Ред. А. Х. Шайхиев. Гр.: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1976. 239 с.
38. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов: моногр. АН СССР. Ин-т яз-ния. ЧИНИИЯЛ. Гр.: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963. 556 с.
39. Гумба Г. Дж. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). 2-е доп. изд. М.: Литера, 2017. 552 с.
40. Очиаури Т. А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. (576) / АН Грузинской Советской Социалистической республики. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси: [б. и.], 1969. 44 с.
41. Головинский П. И. Чеченцы / Из записок П. И. Головинского // ССТО / Терск. обл. Стат. ком. / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терского областного управления, 1878. Вып. 1. Отд. II. С. 241–261.
42. Пиотровский Б. Б. Припонтйские халдеи и урарты // КСИИМК. Вып. V. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 5–10.
43. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 504 с.
44. Allen W. E. D. Russian Embassies to the Georgian Kings. 1589-1605. Vol. 1–2. Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1970. XXXII, 640 p.
45. Эмин Н.О. Всеобщая история Вардана ‘Великого’ (с примеч. и прил.) / Пер. Н. Эмин. Москва: тип. Лазаревск. ин-та вост. яз., 1861. XXIV, 202, 218 с.
46. Minorsky V. Studies in Caucasian history. London: Taylor’s foreign press, 1953. 178 p.
47. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. 2. / Тбилисский гос. ун-т.

Кафедра истории Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1965.

48. Русско-ингушский словарь: 40000 слов Под ред. Ф. Г. Оздоевой, А. С. Куркиева. М.: Русский язык, 1980. 831 с.

49. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа : История Арм. нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне / АН Арм. ССР. Ин-т истории. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1968. 264 с.

50. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тб.: Изд-во АН ГССР, 1954. 446 с.

51. Хайдаков С. М. Лакско-Русский словарь (ок. 13 000 слов). Москва: ГИИНС, 1962. 424 с.

52. Абаев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев (из материалов балкаро-карачаевской экспедиции Академии наук СССР, 1930–1932гг.) // Язык и мышление / Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра. Л.: АН СССР, 1933. Т. 1. С. 71–89.

53. Чокаев К. З. Суффиксальные образования топонимических названий в вайнахских языках // Труды ЧИНИИ / Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт при Совете Министров ЧИАССР. Гр.: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1964. Т. 9. С. 49–63.

54. Кобычев В. П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе (Сборник научных трудов). Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 20–33.

55. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков / Пер. С. Г. Микаэлян / Акад. наук АзССР. Ин-т востоковедения. Москва: Издательство восточной литературы, 1963. 265 с.

56. Дзидзоев В. Д. Скифы на Кавказе // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 10. № 14. 2010. С. 11–16.

57. Чибиров Л. А. Нартовские сказания народов дагестана: особенности распространения и бытования // Известия СОИГСИ. 2021. №44 (83) С. 5–22. DOI: 10.46698/VNC.2022.83.44.007

58. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1884. Т. 9. № 16. 979 с.

59. Крупнов Е. И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа / Отв. ред. А. А. Петросян. М.: Наука, 1969. С. 15–29. 548 с.

60. Резепкин А. Д. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // МИАК. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004. Вып. 4. 97–125.

61. Гумба Г. Дж. 1990: Об одном общенахском этнониме второй половины первого тыс. до н.э. // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тезисы региональной научной конференции. Грозный: Книга, 1990. С. 8–12. 87 с.

62. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963. 160 с.

63. Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия) // Труды Закавказской научной ассоциации: Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис: Закавк. ассоц. востоковедения, 1924 (1925). Серия I. Вып. 1. С. 233–251.

64. Кокиев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии: Историко-этнологический очерк. Владикавказ: Типо-фото-цинкография изд-ва "Растдзинад", 1928. 74 с.

65. Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование) / Отв. ред. В. К. Гарданов. Москва: Наука, 1967. 245 с.

66. Чурсин Г. Ф. Осетины: Этнографический очерк // Труды Закавказской научной ассоциации. Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис: Заря Востока, 1925. Серия 1. Вып. 1. С. 3–103, 132–232.

67. Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в с. Едыс (Южная Осетия) // Советская археология, 1986 № 2. С. 198–209.
68. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахильгов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1986. 528 с.
69. Мальсагов А. У. ГІалгІай фольклор. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967. Т. 2. 364 с.
70. Ахриев Ч. Э. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // Сборник сведений о кавказских горцах. Тф.: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1870. Т. IV. Отд. 2. С. 1–33.
71. Абаев В. И. Осетинский эпос. Сказания о нартах, древние мифы и легенды осетин. / Пер. с франц. на англ. Уолтера Мэя; ред. Коларуссо Дж. и Салбиев Т. Принстон и Оксфорд: Изд-во Принстонского университета, 2016. LXVIII, 442 с.
72. РГАДА (Российский государственный архив древних актов), Ф. 259. Оп. 22. Д. 1575.
73. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / АН СССР. Институт языкознания. Ленинград: Наука, 1973. Т. II (L-R). 448 с. С. 94–95.
74. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. (источники и литература). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 389 с.
75. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия / Ред. В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. М.: Наука, 1971. 211 с.
76. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. № 4. 169–290.
77. Георги Иоганн Готлиб. Описание всех обитающих в российском госуд.рстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ , упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей // Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. / Сост. В. Аталиков. Нальчик. Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Вып. 3. С. 170–178.
78. Newsen R. H. The Geography of Ananias of Širak: Ašxarhaś'oyuś', the Long and the Short Recensions. Wiesbaden: Reichert, 1992. XII, 467 p.
79. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. (1958–1989). Т. 4. U-Z. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР: Наука, 1989. 326 с.
80. Ибрагимов М.-Р. А. Аккинцы в Дагестане (XVI–XX в.) // Историческая этнография: Памяти Р.Ф. Итса. Межвузовский сборник / Под ред. А.В. Гадло, Р.Ф. Итса. Вып. 4. / Ред. А. В. Гадло. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 58–68. 174 с.
81. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей / Отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 2004. 240 с.
82. Берже А. П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис: Типография Управления Наместника кавказского, 1859. Отд. IV. С. 1–141.
83. Козьмин В. Махкинан ('Фея гор') // Кавказ. 1895. № 98. С. 2–3.
84. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV – первая половина XVI в. Москва: Наука, 1990. 124 с.
85. Матиев М. А. Ингушские илли // Антология ингушского фольклора. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 5. С. 5–16.
86. Пономарев С. В., Беднов Б. В. Тепли, Джимарай, Казбек. Москва: Физкультура и спорт, 1985. 144 с.
87. Пантюхов И. И. Ингуши. Антропологический очерк. Тифлис: Тип. К. П. Козловского. 35 с.
88. Plaetschke, Bruno. Die Tschetschenen: Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–20 und 1927–28. Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co. m. b. H., 1929. 117 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Начиная со второй половины XVI в. моноэтническое Московское государство начинает процесс трансформации в полиэтническое государство Российское, в котором на бескрайних евразийских пространствах совместно проживают народы, отличающиеся языком, культурой, конфессиональной принадлежностью и хозяйственным укладом. И сегодня именно многонациональный состав России определяет ее силу, что подчеркивается на высшем государственном уровне. Вместе с тем именно изучение различных этносов, населяющих нашу страну, является залогом единения, ведь ни что так не скрепляет людей как культурные ценности. В этой связи вызывает интерес изучение такого полиэтнического региона как Северный Кавказ.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является этноним «дзурдзуки». Автор ставит своими задачами показать основные версии этимологии термина дзурдзуки, предложить на основе изучения различных источников свою версию происхождения этого древнего названия предков нахских народов.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится предложить свою версию происхождения этнонима «дзурдзуки». Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 80 различных источников и исследований, что уже само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена как опубликованными материалами (фольклор, записки путешественников, словари), так и документами из фондов Российского государственного архива древних актов. Из используемых исследований отметим труды Н.Г. Волковой, Я.З. Ахмадова, А.С. Сулейманова и других авторов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения Северного Кавказа. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Северным Кавказом, в целом, так и нахскими народами, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «термин дзурдзуки // дурдзуки (груз. დურძუკები), как обозначение предков нахских народов, фигурирует в средневековых грузинских и арабских источниках». Представляют интерес приводимые автором версии происхождения данного этнонима: «Л. Мровели связывает его с именем легендарного этнарха Дурдзукоса, сына Кавкаса», «историк С. К. Джамирзаев этимологизирует

этноним как состоящий из сур – «войско» и дукъ – «хребет», то есть «войско хребта» и считает, что современными носителями этого этнонима являются представители чеченского тайпа дзандакьой // сандакьой» и т.д. Но основная часть статьи это приводимые автором аргументы в подтверждение своей версии происхождения данного этнонима.

Главным выводом статьи является то, что «этноним дзурдзуки есть результат сложения двух племенных названий: цІо(ва) и арцух(ой)».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».